

КРИЗИС ГОСУДАРСТВ-НАЦИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ*

ВИТАЛИЙ НАУМКИН

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается процесс эволюции системы государств-наций на Ближнем Востоке в столетней ретроспективе – с момента распада Османской империи до настоящего времени. Анализируются попытки создания арабами собственной государственности на месте бывших вилайетов, в частности в Леванте, как в форме общеарабского государства, так и в форме отдельных, страновых образований. Произвольно прочерченные границы и закабаление стран региона системой мандатов заложили основу современной конфликтности. С созданием «еврейского национального очага» в Палестине сформировался новый конфликтный узел, и нациестроительство палестинцев и евреев пошло по пути эксклюзивизма. Нерешённость курдской проблемы также создала почву для разгорания в будущем межэтнической конфронтации. В процессе государственного строительства обозначилась дилемма – национально-территориальная партикуляризация vs. интеграционизм. Разного рода халифатистские проекты, в том числе осуществляемые экстремистскими террористическими группировками, рассматриваются в русле интеграционистского тренда. Критически оценивается классификация «Аль-Каиды» рядом западных авторов и частью военного истеблишмента как «транснационального, или глобального исламистского повстанческого движения». В течение длительного периода государства-нации подвергались многочисленным угрозам и вызовам, которые здесь сгруппированы в десять типов. Среди них, в частности: межгосударственные и гражданские войны; мятежи, революции и перевороты и т.п. В статье обосновывается тезис о том, что одной из неотъемлемых характеристик системы институтов в странах Ближнего и Среднего Востока является дуалистичность, или, точнее, множественность силовых структур. В настоящее время в силу воздействия центробежных сил регион Ближнего Востока переживает трудный этап многоэтапной фрагментации с непредсказуемыми последствиями, особенно с точки зрения среды региональной и глобальной безопасности.

Ключевые слова:

нация-государство; гражданская война; революция; кризис; дезинтеграция; дуализм.

Ближний Восток переживает, возможно, один из самых сложных периодов в своей истории. Локальных и региональных конфликтов становится всё больше, в конфликтное пространство вовлекаются всё новые страны, во многих сферах жизни организованность сменяется хаосом. Процесс распада охватил целый ряд стран,

резко обострились межконфессиональные (шиитско-суннитские и внутрисуннитские), а также межэтнические противоречия, часть государств перешла в разряд «неудавшихся», потерявших или теряющих суверенитет над своей территорией. Ослаблена управляемость, снижается эффективность государственных институтов. В стра-

---

* Статья выполнена по гранту Российского научного фонда на 2017–2019 гг., проект №17–18–01614 «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз».

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: vinaumkin@yandex.ru

нах региона размещается всё больше иностранных военных баз и воинских контингентов зарубежных держав. Границы нередко становятся прозрачными, пористыми. Их беспрепятственно пересекают отряды террористов, наёмников, милиции и иные нерегулярные формирования, а также части иностранных армий, не говоря о спецслужбах. Несмотря на детерриториализацию террористического монстра – ИГИЛ, об окончательном разгроме экстремистских организаций говорить пока не приходится. Процесс фрагментации государственных носит многоуровневый характер и сопровождается глубокой эрозией всей региональной системы безопасности.

Понять корни нынешнего кризиса можно только ретроспективно, рассмотрев столетнюю историю современной государственности на Ближнем Востоке.

1

Примерно столетие назад поражение Османской империи в Первой мировой войне привело к кардинальному изменению политической карты Ближнего Востока. Перестало существовать большое имперское образование, которое нельзя было отнести к типу государств-наций, поскольку османская нация как таковая не сложилась. Причина распада империи состояла далеко не только в том, что Порта была побеждена в войне, но и в резком росте национального самосознания у входивших в неё многочисленных народов, большинство из которых были завоеваны турками-османами еще в XVI веке. Среди них в конце XIX – начале XX века широко распространялись идеи национального освобождения. Победа Антанты и России в войне отвечала потребности этих народов в создании собственной государственности.

Распад империй и многонациональных федеративных образований, а также деколонизация нередко становились источниками появления в мире независимых государств. Только в XX веке распались Австро-Венгрия, Османская империя, Британская империя (а также французская колониаль-

ная империя), Советский Союз, Югославия. В одних случаях ядро общего государства, или метрополия, видоизменившись, сохраняется, поэтому можно говорить о процессе отпадения государств, в других происходит полный распад единого образования, из частей которого образуются нации-государства. Некоторым из них предстоит пройти долгий путь, прежде чем их становление завершится, поскольку процесс нациестроительства в них не завершается вслед за обретением независимости. Последняя ситуация имела место после Первой мировой войны в арабских вилайетах Османской империи.

Проигравшая войну и столкнувшаяся с угрозой потери ещё большей части территории, бывшая имперская Турция парадоксальным образом была вынуждена и сама вступить в этап освободительной борьбы, которую безоговорочно поддержал Советский Союз. Мустафа Кемаль Ататюрк, добившийся успеха в этом противоборстве, начал строить государство-нацию, в основе которого лежала турецкая идентичность. В неё он попытался «вписать» и курдское меньшинство, лишившееся надежды на получение не только независимости, но даже широкой автономии. В новой Турции не было места ни для какого самоуправления самой многочисленной курдской общины на Ближнем Востоке: её представителей стали идентифицировать как «горных турок». Не получили права на государственность или автономию в Турции и армяне, которых, впрочем, после геноцида 1915 г. в стране почти не осталось.

Арабские же страны стремились к обретению полной независимости. Ещё во время Первой мировой войны великий шериф, эмир Мекки Хусейн задумал план создания Большого арабского государства, которое бы он возглавил в качестве короля и халифа – духовного главы мусульман. Это образование должно было быть построено на основе арабско-levantийской идентичности, к чему имелись определённые предпосылки – в первую очередь цивилизационно-культурная близость арабских народов Леванта.

Данному амбициозному проекту не суждено было осуществиться, как не реализовался и вынашиваемый различными группами местных националистов другой проект — создания отдельных независимых государств на месте вилайетов Османской империи. Вместе с тем обозначившаяся в рассматриваемый период дилемма — **национально-территориальная партикуляризация vs. интеграционизм** — осталась с арабами и после завоевания независимости, причём надолго.

Хотя в переписке с великим шерифом Хусейном в 1915–1916 гг. британский верховный комиссар в Египте Артур Макмагон обещал ему взамен за участие в войне против Турции создать на территории Леванта и части Аравии большое арабское государство, Лондон и Париж одновременно вели двусторонние тайные переговоры о будущем разделе азиатской части начавшей уступать в войне Порты. Согласно этим договорённостям арабские вилайеты Османской империи после её разгрома должны были превратиться в подмандатные территории двух европейских держав. Их представители — тогда ещё не прославившиеся британский политик сэр Марк Сайкс и французский дипломат Франсуа Жорж-Пико вошли в историю как авторы первого, весьма поспешно скроенного варианта колониального раздела азиатской части Османской Турции.

Когда в 1915 г. этим архитекторам колониального захвата арабских провинций Порты было поручено разграничить сферы влияния двух держав, они в ноябре того же года провели прямо по песку почти прямую линию между палестинским городом Акко около Хайфы на берегу Средиземного моря и Киркуком на севере Ирака, получившую название линия «Е — К» (по последней букве английского названия первого города — Асге и первой букве в названии Киркука), к югу от которой должна была расположиться сфера господства Британии, а к северу — Франции. Таким образом, Лондон не планировал сдерживать данного шерифу Хусейну обещания. Хотя разработанный двумя авторами про-

ект будущего послевоенного устройства Арабского Востока носил чисто предварительный характер и, кроме того, между Лондоном и Парижем несколько лет продолжалась борьба за подмандатные территории, он вошёл в историю как «тайное соглашение Сайкса-Пико», став символом колониального закабаления арабов. Оно было официально закреплено 16 мая 1916 года [Наумкин 2014].

Соглашение на самом деле ещё не установило границ между сформировавшимися в Машрике будущими подмандатными территориями/государствами. Для этого потребовалась международно-правовая легитимизация, которая была обеспечена позднее — Парижской мирной конференцией (18 января 1919 — 21 января 1920), Севрским договором от 10 августа 1920 года, конференциями в Сан-Ремо (19–26 апреля 1920) и в Лозанне (последняя велась с перерывом с 20 ноября 1922 по 24 июля 1923). В соответствии с последним договором, утверждённым Лигой Наций, Ирак и Палестина стали подмандатными территориями Великобритании, а Сирия и Ливан — Франции. В 1925 г. процесс создания новой карты этой части Ближнего Востока был завершён передачей Великобритании бывшего османского вилайета Мосул, включённого в подмандатный Ирак. Благодаря успешной освободительной борьбе турок под руководством Мустафы Кемаля Ататюрка Турции удалось сохранить большую часть территории по сравнению с той, что планировали ей оставить европейские союзники.

Думали ли создатели границ между различными частями Леванта о том, что через сто лет исследователи заговорят о «конце системы Сайкса-Пико». В наши дни, к примеру, американский эксперт Пол Салем говорит о коллапсе установленных колониальными державами делений и «функциональной дезинтеграции Сирии и Ирака» [Salem 2014].

Составной частью англо-французского плана управления Машриком стала так называемая декларация Бальфура — письмо от 2 ноября 1917 г. британского министра иностранных дел Артура Джеймса Бальфура

лорду Ротшильду для передачи Сионистской федерации, в котором выражалось одобрение Лондоном проекта «создания в Палестине национального очага для еврейского народа». В Израиле в 2017 г. столетие этого акта торжественно отмечали как важнейший шаг на пути к созданию еврейского государства в Палестине. В то же время у него были и другие стороны, касающиеся арабов. «Декларацию Бальфура нельзя считать одним из лучших свершений британской колониальной империи, — пишет британский автор Линда Хёрд. — Она не только благословила передачу земли, которая не принадлежала Британии, чтобы она [имела право] отдать её, но и была предательством обещания, которое Лондон дал арабским лидерам, сражавшимся бок о бок с британскими войсками, чтобы изгнать из региона Османов».

Не прошло и нескольких десятилетий с момента формирования мандатной системы на Ближнем Востоке, как она закончила своё существование. «В середине XX века рухнула колониальная система, — отмечал Е.М. Примаков. — На карте появились новые государства. Ненадолго пережили крах колониальные системы и те режимы, которые существовали ранее в псевдосуверенных ближневосточных государствах, например в Египте. Между тем и во многих освободившихся от колониальной зависимости странах неустойчивость пришедших к власти руководителей была более чем очевидной — они продолжали сменять друг друга» [Примаков 2006: 7].

За истекшее с того времени столетие государства-нации на Ближнем Востоке подвергались **многочисленным угрозам, вызовам и испытаниям** на прочность, которые они, несмотря на отдельные поражения, в целом выдерживали, доказывая устойчивость существующей системы. Вместе с тем их развитие было в одних случаях поступательным и эволюционным, в других — прерывистым, с драматическими революционными поворотами и острыми кризисами, в третьих — настолько ничтожным, что казалось, будто его не было вообще. Границы между государствами оставались не-

изменными, и все предположения авторов многочисленных прогнозов о возможном их изменении, перекройке оставались лишь разговорами.

При территориальных переделах, формирующихся из частей империй образований, большую роль играют политические императивы внешних игроков, в том числе фактически «вкусные» предпочтения их лидеров. В частности, в начале 1920-х годов при определении судьбы бывших вилайетов Османской империи в Леванте бурно дебатировался вопрос о принадлежности Мосула, на который претендовали Турция и Ирак. Советский Союз прилагал усилия к тому, чтобы Мосул отошёл к Анкаре, поскольку Ирак становился подмандатной территорией Великобритании, а Турция воспринималась в качестве одного из немногих самостоятельных государств в регионе, противостоящих Западу. Немалую роль играло при этом личное мнение наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, занимавшего последовательно антианглийские позиции и выступавшего за развитие отношений Москвы с Германией и Турцией. Тем не менее в 1925 г. процесс создания новой карты этой части Ближнего Востока был завершён передачей Мосула Ираку, находившемуся под британским мандатом.

2

«Новый Ближний Восток», сформированный после Первой мировой войны, прошёл несколько этапов **радикальной многоэтапной трансформации**, главным из которых была стадия обретения арабскими странами полной независимости. Именно этот рубеж следует считать ключевым для процесса формирования государств-наций. Для характеристики угроз, с которыми они сталкивались в процессе эволюции, можно предложить их каталогизацию, которую вряд ли можно считать совершенной, поскольку в ней неизбежно накладываются друг на друга пересекающиеся явления, одновременно подпадающие под различные категории.

К вызовам государственности региональных образований относятся, *во-первых*,

потрясавшие Ближний Восток войны – как межгосударственные, так и внутригосударственные, или гражданские¹. Зачастую межгосударственные войны были весьма кровопролитными. Особенно в этом отношении отличается ирано-иракская война 1980–1988 годов (называемая ещё первой войной в Персидском заливе), в ходе которой более 1 млн человек было убито и немногим менее 1 млн ранено (точных подсчётов не существует). По числу жертв она значительно обошла череду войн между Израилем и его арабскими соседями (1948–1949, 1956, 1967, 1973, 1982, 2006). В Персидском заливе имели место ещё две войны: вторая – в 1990–1991 гг. между многонациональными силами и Ираком Саддама Хусейна после его вторжения в Кувейт и третья – в 2003 году, когда в Ирак под надуманным предлогом вторглись США и Великобритания. По некоторым данным, за десятилетие, прошедшее с того времени, жертвами боевых действий стало не менее 500 тыс. человек. Война армий, сил безопасности и нерегулярных формирований, или ополчений, нескольких стран региона против запрещённого в России ИГ, или ИГИЛ/Даиш, и «Джабхат ан-Нусра» тоже унесла множество жизней.

Все происходящие в регионе войны так или иначе были нацелены на изменение существующих границ. Вместе с тем они имели различные глубинные и непосредственные причины. Если посмотреть на войны между Израилем и его соседями, то это были лишь эпизоды в эволюции самого затяжного и непримиримого конфликта. Одна война нередко порождала другую. А вот пример непосредственной причины. Американский исследователь Бетти Андерсон утверждает, что мотивом для вторжения Ирака в Кувейт был огромный долг, накопленный Саддамом Хусейном за время его войны с Ираном: «Саудовская Аравия, Кувейт и другие страны Арабского залива одолжили большие суммы денег Ираку,

чтобы он мог вести войну, но ни одна из стран не хотела прощать эти долги» [Anderson 2016: 431].

Если говорить о границах между государствами, то сегодня в целом ряде ближневосточных государств они становятся настолько проницаемыми, что их нарушение не представляется сколь-либо рискованным предприятием. Уместно привести в этом контексте интересное мнение российского исследователя И.Д. Звягельской, которая пишет, рассматривая проблему через призму концепции «государств с ослабленной суверенностью»: «...прозрачность границ слабых государств на Ближнем и Среднем Востоке остаётся важным элементом, поддерживающим недостаточную или неполную суверенность государственных образований» [Звягельская 2017: 106].

В сложившейся сегодня ситуации в мировом сообществе государств может оказаться не менее продуктивным подход, который бы базировался на концепте «абсолютного и ограниченного суверенитетов». Он отражает новые реалии, одна из которых состоит в эрозии большинства существующих длительное время институтов и принципов международного права. Возьмём, к примеру, зафиксированный в п. 7 ст. 2 Устава ООН принцип недопустимости вмешательства Организации (это относится и ко всем членам ООН) «в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства». Похожие положения зафиксированы и в других международных документах. Эта норма постоянно нарушается, и сегодня некоторые авторы предпочитают толковать неприкосновенность силы как «воздержание от применения силы». Примеров ущемления суверенитета на Ближнем Востоке в XXI веке не сосчитать.

Во-вторых, к вызовам региональной государственности относятся революции, мятежи и перевороты с применением вооружённого насилия, в том числе носящие

¹ Последнее название не очень подходит для масштабных боевых действий с участием не только нерегулярных формирований (вплоть до религиозных структур), но и армии, использовавшей в боях в том числе авиацию.

транснациональный характер. В списке подобного рода потрясений выделяются те, которые связаны с подъёмом национально-освободительных движений. Пример таковых даёт революционная война за освобождение Алжира 1954–1962 годов, в ходе которой вооружённым формированием Фронта национального освобождения противостояла французская армия. В 1963–1967 годах вёл вооружённую борьбу за освобождение от английского колониализма Национальный фронт Южного Йемена. В обоих случаях противоборство завершилось созданием независимых государств. Конечно, логично считать, что данная категория событий не вызов государствам-нациям, а, напротив, путь к их созданию на месте зависимых образований. Вместе с тем речь в данных случаях идёт не просто о продолжении процесса создания системы независимых государств, а о коренном изменении существующего порядка, которое вызывало немало коллизий. К примеру, через два года после предоставления 30 ноября 1967 г. Великобританией независимости Южному Йемену, в 1969 г. в результате победы левого крыла Национального фронта в острой межфракционной борьбе в стране фактически образовалось новое государство. В Западной Сахаре и сегодня, через много лет после завершения процесса деколонизации Северной Африки европейскими державами, фронт ПОЛИСАРИО ведёт политическую борьбу с целью завоевания независимости, в то время как Марокко считает эту территорию своей.

Севрский договор ещё давал турецким курдам надежду на получение региональной автономии, однако все надежды похоронил Лозаннский договор. Ещё более жёсткий, чем прежде, контроль турецких властей вызвал у них острое недовольство. Как пишет Б. Андерсон, курды испытывали трудности в Турции «вследствие новой концепции турецкой идентичности Мустафы Кемалю» [Anderson 2016: 212]. В 1920-х годах турецкие курды неоднократно под-

нимали восстания, самым крупным из которых было восстание под руководством пиранского² суфийского шейха Саида при поддержке шейхов ряда племен юго-восточной Анатолии и Комитета «Азади» («Свобода»), объединявшего представителей городской интеллигенции и профессиональных кругов. В феврале 1925 г. турецкое правительство направило на подавление восстания 50-тысячный воинский контингент, и в результате боёв повстанцы потерпели поражение, их лидеры были убиты.

Советский Союз тогда был ориентирован на поддержку единства Турции, хотя и симпатизировал курдам. Москве никак не могли нравиться призывы вождей курдов к возрождению халифата. За ними ввели интриги англичан. 10 мая 1925 г. Ташкентское мусульманское духовное управление Назарат-и-Диния обратилось с воззванием ко всем мусульманам в связи с этим восстанием. В сообщении, опубликованном в советской прессе, говорилось, что воззвание раскрывало «контрреволюционную сущность этого восстания». Оно указывало, что «шейх Саид, являющийся орудием английского империализма, в своей борьбе против турецкого правительства использовал также религиозные лозунги». Показателен антихалифатистский пафос воззвания: халифат (во всяком случае, османский) – это, с одной стороны, «игрушка в руках империалистов», с другой – препятствие на пути развития. Так, в сообщении говорилось, что шейх Саид вместе с турецкими контрреволюционерами «требовал восстановления халифата, который осуждён истинными мусульманами, стремящимися к культурно-экономическому возрождению народов Востока». Антитурецкая направленность курдского протестного движения под водительством родоплеменной верхушки заставила Москву во имя поддержки кемалистов даже отступить от привычного курса на поддержку национальных чаяний народов мусульманского мира. В этом контексте рассматривалось стремление шейха Саида к образованию

² Пиран – город в Турции в 815 км к востоку от Анкары.

самостоятельного курдского правительства: «Успех шейха Саида, подкупленного англичанами, привёл бы к тому, что управление Курдистаном неизбежно попало бы в руки англичан». И далее: «Назарат-и-Диния призывает всё сознательное и честное мусульманское духовенство предать проклятию иностранных империалистов и их прислужников»³.

В 1921 г. подняли восстание курды-алевиты в Дерсиме⁴, но оно было быстро подавлено. Между тем там же весной 1937 г. началось ещё более мощное курдское восстание, которое турецкой армии удалось подавить лишь в октябре 1938 года, когда было убито несколько десятков тысяч курдов-алевитов и заз⁵. Вооружённые акции Курдской рабочей партии против турецких властей периодически продолжают сотрясать Турцию и в настоящее время.

Попыток переворотов – удачных и неудачных – в новейшей истории Ближнего Востока было так много, что одно их перечисление заняло бы несколько страниц.

К серьёзным изменениям в системе государств–наций арабской части Ближнего Востока, глубокой трансформации арабских обществ, которая изменила геополитическую конфигурацию всего региона, привели события «арабской весны», или «арабского возрождения». Об этих событиях написано много работ, в том числе и отечественных исследователей, к которым можно было бы отослать читателя [Арабское пробуждение 2012].

Массовые уличные протестные движения «арабской весны» смела одни, казавшиеся стабильными, ближневосточные режимы и раскачала другие. В наборе причин, вызвавших столь масштабный протест, называют господство забюрократизированных, прогнивших авторитарных режимов, отсутствие гражданских свобод и социальных лифтов (всё более болезненное для модернизированной части населения), увеличившийся разрыв в доходах между

наиболее обеспеченной властной верхушкой и остальной частью населения, ставшую системным фактором коррупции, бедность, слабость социальной политики. К этому можно добавить неэффективность управления, экономическую стагнацию, слабое развитие производительных сил при зависимости от нестабильных, но относительно доступных внешних источников накопления.

По удачному выражению израильского политолога Бруса Мэдди-Вайтцмана, в 2010–2011 годах «арабские общества дали отпор своим “сверхгосударственным” государствам». И добавляет: «На заре нового тысячелетия арабские страны не сумели впрыгнуть в вагон глобализации, вместо этого сохраняя существующие системы экономической олигархии, политической автократии и наследственной династичности» [Maddy-Weitzman 2016: 214–215].

В ходе трансформации большинство переживших её арабских стран не стали более управляемыми, а новые режимы более эффективными. Единственное исключение до сих пор составляет Тунис. Повсюду в регионе беспардонное силовое внешнее вмешательство, насильственная смена режимов и разгул вооружённой толпы, в которой всё большее влияние приобретали радикал-экстремисты, свели на нет позитивные импульсы выступавших за обновление идеалистов и способствовали фрагментации и распространению хаоса.

Особняком стоит вызов сложившимся нациям–государствам со стороны актов «экспорта революции», цель которого для регионального государства, осуществляющего эту стратегию, – опираясь на поддержку единомышленников, инспирировать смену режима в той или иной соседней стране революционным путём. В этом многие арабские страны обвиняют Иран, который в первое время после исламской революции 1979 г., действительно, давал повод для подобных обвинений.

³ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. № 106 (2439). 12 мая.

⁴ Провинция Тунджели.

⁵ Родственный курдам народ, исповедующий алевизм.

В-третьих, это бросавшие вызов существованию государств-наций различного рода интеграционные проекты. В их результате происходило объединение отдельных государств, при этом его уровень был разным — вплоть до полного слияния. В одних случаях государства объединялись в соответствии с идеологической доктриной. В частности, все три панарабские националистические движения: насеризм, баасизм и Движение арабских националистов (ДАН) — ставили задачу объединения арабов в одно государство, но ни одна из попыток в этом направлении не привела к созданию устойчивого государственного образования. Лишь интеграция Египта и Сирии в форме просуществовавшей чуть более трёх лет Объединённой Арабской Республики (1958–1961) стала, хотя и на время, условно удавшейся попыткой воплощения в жизнь этой доктрины. При этом сам Гамаль Абдель Насер, являвшийся наиболее ярким поборником арабского национализма, способствовал развалу ОАР, проводя в жизнь линию запрета деятельности всех политических партий в республике, включая Баас, имевшую сильные позиции в сирийском обществе, особенно среди военных. Наверное, прав Мэдди-Вайцман, полагающий, что «...реальность множественных арабских государств в конце концов победила сторонников панарабского единства. Основанные на нём проекты государственного строительства доказали свою полную несостоятельность» [Maddy-Weitzman 2016: 214].

Запрещённое в России ИГ (в 2014 г. ИГИЛ, или Даиш, было его командирами символически переименовано в «Исламское государство») — другая модель трансграничного, транснационального государства (имея в виду, что его создатели также пытались преодолеть существующие в регионе границы между нациями-государствами), основанная на идеологических постулатах (см. об этом ниже). Будь то доктрина светского национализма или крайне радикального, уродливого исламизма, основа в этих моделях одна — отрицание существующих границ. Причём если идео-

логи светского арабского национализма, как уже упоминалось, выдвигали на первый план лозунг панарабизма — относительно новой доктрины, в которой чётко прослеживалось знакомство с опытом Запада, то радикал-исламисты в своей стратегии ставили целью возрождение халифата, пусть и в извращённой форме.

В других случаях объединение не было напрямую в какой-либо форме связано с идейной доктриной, а объяснялось политическими интересами правящих элит и в какой-то мере соответствовало настроениям населения.

В-четвёртых, вызовом государственности в регионе остаётся обратный, дезинтеграционный процесс: распад сложившихся государств-наций, отпадение от них тех или иных частей. Этот процесс часто угрожает перекинуться на соседние страны в результате эффекта домино. После деколонизации арабских княжеств Персидского залива Бахрейн и Катар довольно быстро вышли из появившейся на географической карте новой страны и одной из немногих в регионе федераций — Объединённых Арабских Эмиратов (ОАЭ), став независимыми.

В Судане после десятилетия гражданской войны между мусульманским Севером и христианским Югом от государства 9 июля 2011 г. отделился Южный Судан. Межконфессиональный и межэтнический разлом явился здесь главным фактором распада единого государства, хотя нельзя игнорировать и такой фактор, как соперничество элит. В новообразованном Южном Судане едва ли не сразу же после обретения независимости, в декабре 2013 г., разгорелся вооружённый конфликт между соперничающими этно-племенными группами — нуэр и динка. Возобновлению кровопролитной войны в 2016 г. не смогло помешать даже присутствие миротворческого контингента ООН. Главными разобщающими факторами, угрожающими существованию государства, стали здесь трайбализм, борьба за власть и контроль над ресурсами между элитами. Вооружённые столкновения между соперничающими племенными группами населения впи-

сались в процесс многоуровневой фрагментации в этой стране. Она дискредитирует и подрывает систему государств-наций в регионе в целом.

Были и редкие случаи поглощения, к примеру когда в 1938 г. сирийская Александретта (бывший Александреттский санджак Османской империи, с 1919 г. являвшийся подмандатной территорией Франции), населённая в основном арабами, туркоманами и армянами, вошла в состав Турции, став провинцией Хатай.

В охваченной острым конфликтом Сирии создание в 2017 г. так называемых зон деэскалации, существование которых ограничено временными рамками, несло с собой угрозу в случае дальнейшего затягивания, а также с учётом доминирования в каждой из зон того или иного внешнего игрока, превращения этого формата в де-факто расчленение страны.

Референдум, проведённый в Иракском Курдистане 25 сентября 2017 года, ознаменовал очередную попытку курдов создать своё государство. За это высказалось подавляющее большинство (92,73%) голосовавших, однако его результаты не были признаны ни Багдадом, который посчитал референдум «незаконным» и «антиконституционным», ни зарубежными государствами (кроме Израиля). Нет ничего удивительного в стремлении Багдада не допустить повышения уровня самоопределения Иракского Курдистана, и так пользующегося широкой автономией, что означало бы отпадение от единого государства одной из его важнейших составных частей. В то же время присоединение Иракского Курдистана к всемирному «параду референдумов» означало, что единой нации в Ираке так и не сложилось. Извечная дилемма: «территориальная целостность или право на самоопределение» – не только не теряет своей актуальности, но и по-прежнему представляет собой нерешаемую проблему для международного сообщества и права.

В-пятых, государственность стран Ближнего и Среднего Востока ограничивает усиление милиций и других нерегулярных

вооружённых формирований, образующих своего рода «государства в государствах», вроде ливанской Хизбаллы, иракских отрядов «аль-Хашд аш-ша'би», оппозиционных вооружённых группировок в Сирии или формирований движения Ансарулла (хуситов) в Йемене.

В Судане в 2003 г. разгорелся продолжающийся до сих пор ожесточённый конфликт между правительственными силами и выступающими на стороне правительства милициями местных арабских кочевников «Джанджавид», с одной стороны, и вооружёнными повстанческими группировками автохтонных неарабских племён Дарфура – с другой. В отличие от конфликта между Севером и Югом, в этом противостоянии стороны не разделены межконфессиональными барьерами: все участники являются мусульманами, но принадлежат к разным этническим группам.

В-шестых, участие армии в политике вплоть до военных переворотов, результатом которого нередко становилось свержение легитимных правящих режимов и установление власти военных. Примеров этого очень много, и в регионе до сих пор есть правительства, состоящие едва ли не полностью из бывших офицеров.

В-седьмых, местную государственность подрывает внешнее вмешательство, в том числе с использованием военной силы, приводящее к смене режимов, свержению лидеров и правительств. Ирак и Ливия – наиболее яркие примеры подобных операций, проведённых Западом, в первую очередь – США. В настоящее время в регионе находится большое число военных баз, в основном американских.

В-восьмых, негативное значение имеет гетерогенность этнического и конфессионального состава населения и существование родоплеменных и патрон-клиентельных отношений, препятствующих складыванию общегражданской идентичности, национальной консолидации и мобилизации и способных сорвать их.

В-девятых, это колониалистские и неоколониалистские проекты, которые как подрывают уже существующую государ-

ственность, так и мешают самоопределению формирующихся наций. Это в первую очередь относится к палестинским арабам, которым до сих пор не удаётся обрести своё государство, несмотря на стоящее на их стороне международное право.

В-десятых, это исламистский вызов, уводящий нации-государства от модерности во имя возвращения к псевдоисконным религиозным ценностям. Наиболее яркий пример – кратковременное пребывание у власти в Египте «Братьев-мусульман» (БМ), победивших в демократических выборах после свержения режима Хусни Мубарака. Столь же недолго удержалась на господствующих позициях в Тунисе, но в отличие от египетских коллег сохранилась как легальная политическая сила родственная БМ исламская партия «ан-Нахда». Дж. Чалкрафт пишет, что в 1914–1952 гг. доминирующей темой в мобилизационных проектах был «поиск более широкой формы представительства в государстве во имя нации», а в 1952–1976 гг. революционные и левые движения «стремились использовать государство для национального освобождения и долгосрочной социально-экономической трансформации». Он обоснованно утверждает, что «окончательное поражение этого типа проектов на региональной арене произошло в “крошечном” Ливане, когда *realpolitik* сирийской диктатуры задавила демократический социализм Ливанского национального движения⁶, состоявшего в альянсе с палестинской саурой». По его наблюдению, «в 1977–2011 годах природа мобилизации в регионе фундаментально изменилась. Революционные мобилизационные проекты в условиях кризиса светского государства обратились к исламской политике, которая ставила задачу заменить коррумпированное светское государство исламским. С 1950-х годов различные направления исламизма – народный шиитский, модернистский суннитский и салафитско-

ваххабитский – стремились перегруппироваться перед лицом того, что они рассматривали как уродливую секулярную узурпацию подлинной судьбы независимых государств региона...» [Chalcraft 2016: 393].

З

Удастся ли государствам-нациям в конечном счёте выстоять перед лицом угроз, вызовов и испытаний, будет зависеть от степени их прочности. Как уже упоминалось, они показали одновременно как свою уязвимость, так и устойчивость. Трудно сказать, какие именно режимы и правительства лучше других способны противостоять тем или иным угрозам и вызовам. Возьмём, к примеру, «арабскую весну». Некоторыми исследователями высказывается предположение, будто особая «хашимитская» легитимность правящих в Иордании монархов, являющихся потомками пророка Мухаммада по мужской линии, стала той причиной, которая позволила им избежать перерастания вспыхнувшего, как и везде в арабском мире, народного недовольства в острую стадию и погасить его.

Однако вспомним антимонархическую революцию 14 июля 1958 г. в Ираке. Тогда восставшие жестоко убили молодого короля Фейсала II – правнука великого шерифа Хусейна (сначала эмира Мекки, затем короля Хиджаза), а также его двоюродного дядю, регента Абдель Иляха и премьер-министра, ветерана антиосманского восстания времён Первой мировой войны Нури Саида. Над их трупами толпа долго глумилась, протаскивая один из них по улицам столицы и вывесив другой с балкона, искромсанный ножами. При этом на восставших, по замечанию Е.М. Примакова, «не произвело никакого впечатления, что король (и, соответственно, Абдель Илях. – *В.Н.*) принадлежал к династии прямых потомков пророка Мухаммада» [Примаков 2006: 8]. Да и сакральность самого шерифа Хусейна – отца первых монархов Ирака и Трансиорда-

⁶ Ливанское национальное движение – одна из двух главных коалиций, противостоящих друг другу в гражданской войне 1975–1990 гг. в Ливане на её первом этапе (1975–1982 гг.), блокировалась с ООП.

нии, государств, которые были созданы после Первой мировой войны в прочерченных по дизайну бывших колонизаторов границах, «не произвела никакого впечатления» на создателя нового арабийского государства, молодого вождя из пустынного Неджда Абдель Азиза бин Сауда, завоевавшего Хиджаз в середине 1920-х годов.

Устойчивость или неустойчивость наций-государств не зависит и от того, представляют ли они собой модернизированные государства современного типа с развитыми элементами демократии и системой разделения властей или же архаические, с многими «винтажными» структурами.

Благоприятным фоном для подъёма исламистских движений, помимо разочарований в левых и националистических идеологических доктринах, всегда был высокий уровень религиозности населения региона. Атеизм коммунистов, в некоторые периоды истории Ближнего Востока и в отдельных странах пользующихся доверием немалой части населения, наряду с их интернационализмом мешали завоеванию ими большей поддержки людей. Однако в течение короткого времени, а именно в 1920-х годах, в странах Ближнего Востока атеистические воззрения всё-таки приобрели некоторую популярность. В немалой мере этому способствовали, *во-первых*, ошеломительная победа Октябрьской революции в России, призвавшей к освобождению колоний, *во-вторых*, распространение в различных частях мира, в том числе на Ближнем Востоке, при поддержке Советского Союза коммунистических идей и создание коммунистических организаций и партий.

Некоторых ближневосточных интеллектуалов того времени за их труды в наше время постигла бы судьба вынужденного долгие годы прятаться из-за его скандальной книги «Сатанинские стихи» английского писателя индийского происхождения, лауреата Букеровской премии Салмана Рушди (р. 1947) или пережившего в 1994 г. покушение исламского фанатика египетского писателя, нобелевского лауреата Нагиба Махфуза (1911–2006). Тогда же, в том же Египте

Исмаилом Мазхаром (1891–1962) открыто было основано издательство *Дар аль-Усуль*, которое занималось пропагандой атеизма. В нём публиковались в арабском переводе знаменитая работа Чарлза Дарвина «Происхождение видов» [Abd Al-Rahim, 2005: 118–119], до сих пор вызывающая недобрые чувства у исламистов; известная книга Бертрана Рассела «Почему я не христианин» (“Why I’m not a Christian”) и некоторые другие книги, столь же ненавистные поборникам исламизма. Блестящий египетский писатель, выпускник Сорбонны Мухаммад Хусейн Хейкал (1889–1956) написал трёхтомное исследование о Ж.-Ж. Руссо. Активной популяризацией атеизма занималась ассоциация, созданная в Турции и Египте выпускником Московского университета Исмаилом Адхамом (1911–1940). Адхам трагически закончил свою жизнь: утопился в Средиземном море, завещав в оставленной им записке кремировать его тело и не хоронить на мусульманском кладбище [Наумкин 2014].

Стремление резко ограничить влияние ислама в обществе и государстве проявилось в политике пришедшего к власти в Турции лидера турецкого национального движения Кемалю Ататюрку, в 1924 г. упразднившего халифат, заменившего арабскую графику на латиницу в турецком языке и осуществившего широкомасштабный проект по созданию в стране секулярного режима. Аналогичная линия прослеживалась в реформах президента Туниса Хабиба Бургибы, правившего в 1957–1987 годах. При этом необходимо заметить, что в обоих случаях (особенно в тунисском) светскость политического режима всё же носила ограниченный характер. Как отмечает В.А. Кузнецов, в арабских странах произошло «общее “растягивание” шкалы светскости/религиозности и смещение её в сторону последней [Кузнецов 2013: 50]. Все без исключения «светские» политические режимы, возникавшие в арабском мире, сохраняли государственный контроль над религиозной сферой и поэтому в западном понимании были не вполне секулярными.

Атеистические и даже секуляристские настроения не находили широкого отклика у населения большинства ближневосточных государств, и имевший место в начале 1920-х годов спад в исламском движении вновь сменился оживлением. Рубежным событием в этом процессе явилось создание в 1928 г. в Исфахане (Иран) местным учителем Хасаном аль-Банной политической организации – ассоциации «Братья-мусульмане», которой предстояло занять видное место в государственно-политических системах региона. В творчестве интеллектуалов ведущих арабских государств стал более заметным интерес к исламу. Вышеупомянутый Хейкал в 1935 г. опубликовал ставшую классической книгу «Жизнь Мухаммада».

Имели место и ещё более разительные развороты в сторону исламизма арабских интеллектуалов, вначале проявлявших себя как приверженцев светских идей. Аббас Махмуд аль-Аккад (1889–1964) начал с воспевания английских поэтов-романтиков, а затем стал приверженцем политического ислама. Его учеником был едва ли не самый известный в истории проповедник радикального исламизма, казнённый в Египте в правление Г.А. Насера Сейид Кутб (1906–1966). Кстати, Кутб начинал, подобно его учителю, в качестве поэта и литературного критика. «Кутбизм» и сегодня одно из главных течений в радикальном политическом исламе [см.: Наумкин 2015].

Хорошо известны нестихающие споры вокруг совместимости исламских вероучительных норм с демократическими ценностями. Согласно одной точке зрения, сама постановка вопроса о необходимости совместить ценности исламской цивилизации с демократическими принципами в корне неверна, так как она демократична по своей сути и не нуждается в заимствовании каких бы то ни было ценностей из других систем. Сторонники иной точки зрения обвиняют исламские общества в авторитаризме, попрании прав человека и отсутствии свобод. Есть сторонники и у концепции конвергенции.

Приведём в этой связи пример Всеобщей декларации прав человека 1948 года. В её

создании от арабского мира непосредственно участвовал известный в то время ливанский дипломат и политический деятель, христианский философ Шарль Малик, который позднее, во время гражданской войны 1975–1990 годов, был «идеологическим наставником» ливанских сил – правой христианской милиции [Allawi 2009: 189]. Лишь позднее в исламском мире возникло неприятие отдельных положений Декларации, в частности статьи 18, гарантирующей свободу выбирать веру и менять её, что противоречит базовым положениям шариата. В результате в рамках Организации Исламская Конференция (ОИК) была разработана Каирская декларация прав человека, которая была принята на саммите ОИК в августе 1990 г. (Россия имеет статус наблюдателя в этой структуре, которая теперь называется Организацией исламского сотрудничества). Нетрудно догадаться, что с её принятием базовые противоречия с нормами шариата, прежде всего положений статьи 18, были устранены.

Насколько непримиримы концепции прав человека в шариате и в большинстве государств мира? Можно ли сегодня вообще говорить об абсолютной универсальности какой-либо концепции в этой сфере? Можно ли, в частности, предположить, что в обозримой перспективе модернизационный процесс в исламе приведёт к отказу от запрета на переход мусульманина в другую веру? Утвердительный ответ на этот вопрос дать трудно, хотя исламские и в особенности ближневосточные государства постоянно преподносят миру сюрпризы.

Одной из неотъемлемых характерных черт системы институтов в странах Ближнего и Среднего Востока является **дуальность, или, точнее, множественность** силовых структур. Последнее не несёт непосредственной угрозы существованию государства, но затрудняет управляемость, а также способствует возникновению и обострению кризисов, может мешать эффективному функционированию государственных структур и вести к дезинтеграции.

Наиболее яркий пример – Ливан, где параллельно с армией и полицией суще-

ствуют вооруженные бригады партии «Хизбалла». Вооружения, которыми они располагают, включают десятки тысяч ракет. В 2006 г. эти силы эффективно противостояли израильской армии во время её вторжения в Ливан. Но когда в мае 2008 г. «бойцы Хизбаллы с оружием в руках появились на улицах Бейрута, это вызвало большое беспокойство среди её оппонентов» [Chalcraft 2016: 458]. В ходе сирийского кризиса тысячи бойцов Хизбаллы принимали участие на стороне Дамаска в боях с отрядами вооруженной оппозиции, при необходимости вели переговоры с экстремистами.

Опасной для государственности **Иордании** и Ливана стало присутствие в них вооружённых отрядов Палестинского движения сопротивления. В то же время «попытка избежать превращения в «государство в государстве» (каким стало ПДС в Иордании) была важной частью стратегии партии» [Qassem 2010: 192].

В **Ираке** едва ли не самой боеспособной силой борьбы с ИГ стали милиции (аль-Хашд аш-Ша'би, или «силы народной мобилизации»), образованные на конфессиональной основе. Их подавляющую часть составляют шиитские формирования, подчиняющиеся различным политическим силам, а также отряды суннитов.

В автономном Иракском Курдистане защиту и безопасность населения обеспечивает вооружённое ополчение – пешмерга, фактически заменяющее армию и полицию, причем соответствующие федеральные структуры на территории автономии не действуют. Пешмерга активно участвовали в боях с террористами из ИГ и освободили ряд территорий. Хотя они управляются единым командованием, в состав каждого отдельного подразделения входят бойцы, представляющие только одну из конкурирующих между собой политических сил (в основном Демократической партии Курдистана и Патриотического союза Курдистана). После проведения не признанного Багдадом референдума в Курдистане, в котором принимали участие и курды, проживающие в провинции Киркук, не входящей в состав автономии,

части иракской армии вытеснили отряды пешмерга с контролируемых ими территорий (в первую очередь из районов нефтедобычи), между ними произошли боестолкновения с жертвами. Руководство КДП стало обвинять лидеров ПСК в том, что отряды их пешмерга совершили «предательство», покинув в это время Киркук.

Ливан вплоть до настоящего времени, включая период длительной и кровопролитной гражданской войны между христианскими и мусульманскими (в том числе палестинскими) милициями в 1975–1990 годах, сохранился как единое государство, правительство которого контролирует всю территорию страны. Интересно, что введённый в страну в 1976 г. по приказу президента Сирии Хафиза Асада сирийский воинский контингент поначалу выступил не на стороне мусульманского блока Ливанского национального движения во главе с друзским лидером Камалем Джумблатом и Организации освобождения Палестины, которые и приглашали сирийцев, а на стороне противостоящих им правохристианских, маронитских ливанских сил. Ставка на религиозную или этническую близость вообще далеко не всегда работает в регионе. Во время ирано-иракской войны, например, Тегеран рассчитывал на поддержку дискриминируемой в Ираке шиитской общины, составляющей более 60% населения страны, но эти расчёты не оправдались. Со своей стороны Саддам Хусейн делал ставку на солидарность с Ираком арабского населения иранской провинции Хузистан, но оно сохранило лояльность Ирану.

В **Ливии** после насильственного свержения власти Муаммара Каддафи с помощью прямого вмешательства Запада множественность силовых структур, среди которых и отряды радикал-исламистов, стала отражением отсутствия единой власти в стране, острого кризиса государственности и царства хаоса. В Йемене идёт гражданская война, в которой участвуют вооружённые подразделения движения «Ансаруллах», или хуситов (по названию племени, составляющего костяк этих сил), противостоящие друг другу и хуситам части йемен-

ской армии, а также вооруженные группы террористов «Аль-Каиды».

В Сирии уже несколько лет не прекращаются кровопролитные бои, которые ведут четыре основные силы: сирийская армия и силы безопасности с участием бригад Хизбаллы и шиитских милиций из Ирака, Пакистана и Афганистана при поддержке России и Ирана; отряды террористов из ИГ и «Джабхат ан-Нусра», получающие прямую или непрямую поддержку ряда региональных и западных держав; курдские отряды народной самообороны, поддерживаемые США и некоторыми их союзниками по коалиции; различные группировки вооружённой оппозиции, поддерживаемые США с союзниками, Турцией и некоторыми арабскими государствами Персидского залива. На стороне правительства тоже воевали силы народного ополчения, часть которых была интегрирована в армию, но сохранила автономность действий.

В Иране мощной силой, существующей параллельно с армией, выступает Корпус стражей исламской революции, принимающий участие в военных операциях за рубежом страны. Об арабских милициях «Джанджавид», воюющих параллельно с армией против ополчений африканских племён Дарфура, уже упоминалось выше.

В Саудовской Аравии наряду с армией и полицейскими силами существует Национальная гвардия. Все эти структуры безопасности действуют под эгидой правительства и безоговорочно подчиняются королю, но в последние десятилетия они в значительной мере находились под управлением разных, зачастую соперничающих между собой кланов в правящей семье, что обеспечивало баланс интересов в правящей элите. Не случайно молодой реформатор наследный принц Мухаммад бин Сальман 4 ноября 2017 г. для обеспечения большей централизации управления государством и усиления собственных позиций сместил с должности и поместил под арест министра Национальной гвардии, члена правящей семьи, эмира Мут'иба бин Абдаллу.

Дело не в том, что в странах региона в сфере безопасности действуют вооружён-

ные негосударственные игроки: некоторые из них официально или неофициально являются частью государственных структур и иногда даже легитимизированы существующим законодательством. Проблему составляет сам дуализм (два уровня) или множественность (она может быть многоуровневой) силовых структур, которые могут и отражать, и порождать разобщённость, фрагментацию политической системы.

Анализируя ситуацию последних полутора десятков лет, нетрудно видеть, что одна из основных угроз нациям-государствам в регионе исходила от **экстремистских террористических группировок**. Два уродливых порождения экстремистских, эксклюзивистских концепций в исламе — «Аль-Каида» и ИГ — по многим параметрам отличаются друг от друга, имеют разную повестку дня, хотя и схожие «идеалы», но фактически ведут бои на одном фронте. В чём основная разница между этими двумя проектами? Не вдаваясь в детали этого хорошо изученного в научной литературе феномена, вкратце коснёмся лишь отдельных его сторон.

В качестве общей основы идеологии двух организаций выступает концепция транснационального или даже всемирного исламского халифата. Его построение для «Аль-Каиды» — лишь призрачная стратегическая цель. Соответственно, эту группировку можно охарактеризовать как транснациональную террористическую организацию. Её можно назвать сетевой, хотя часто она не имеет организационных связей с теми или иными группами или индивидами, использующими её бренд, а выступает лишь в качестве их идейного вдохновителя. Она не ставила задачу установления контроля над значительной территорией, довольствуясь «карманами», созданными ею в разных странах — в Пакистане, Афганистане, Йемене, Алжире, Мали, на Филиппинах.

Британский эксперт Дэвид Килкален квалифицировал эту организацию как «транснациональное воинственное исламистское повстанческое движение». Эксперт аргументирует своё определение тем, что цель сети

«Аль-Каиды» в качестве такого движения — «пытаться свергнуть те или иные местные правительства с помощью различных повстанческих тактик (включая терроризм)» [Kilcullen 2005: 597–617]. Эти тактики, по его мнению, те же, что используются всеми повстанческими движениями: «провокация, устрашение, затягивание, истощение» [Kilcullen 2009: 12–16]. Такая оценка так и осталась бы индивидуальным мнением одного из экспертов, если бы не была продублирована американским военным истеблишментом. В «Руководстве армии и морской пехоты США по борьбе с повстанческими движениями», составленном группой военных экспертов во главе с генералом Дэвидом Петреусом и увидевшем свет в 2007 году, «Аль-Каида» называется «глобальным повстанчеством», а войны США и их союзников в Ираке и Афганистане соответственно квалифицируются как «антиповстанческие» [US Army and Marine Corps 2007: 2–3].

Подвергая критике «повстанческую» характеристику «Аль-Каиды», Нахид А. Зехр отмечает, что она «не может претендовать на то, чтобы представлять легитимную группу нерегулярных сил». Точно так же она не имеет полномочий представлять нацию или даже политическую группу. Она не может считаться повстанческим движением, поскольку является нерегулярной силой, претендующей на то, чтобы представлять «обиды и интересы того или иного политического сообщества и выступать против того или иного правительства» [Zehr 2017: 27]. В то же время автор справедливо отмечает, что «Аль-Каида» демонстрирует свою двойную природу: она одновременно и значительно отделена от исламского традиционного понимания подлинной государственности и справедливой применения силы, и укоренена в нём [Zehr 2017: 4].

В отличие от «Аль-Каиды», выросшее из неё так называемое ИГ, или ИГИЛ/Даиш — не просто террористическая группировка, а организация, стремящаяся завоевать территорию, на которой она начала бы практическую реализацию своего проекта госу-

дарственного строительства с перспективой её расширения. Не случайно она несколько раз видоизменяла свое название — с «Исламского государства Ирака» в «Исламское государство Леванта» в 2013 г. и затем, вскоре после взятия Мосула, в «Исламское государство». Идея создания «Исламского государства Ирака» изначально принадлежала второму человеку в «Аль-Каиде» — Айману Мухаммаду аз-Завахири, призвавшему к этому после ликвидации американцами в 2006 г. одного из самых страшных террористов — Абу Мус'аба аз-Заркави.

Управляя захваченной ею частью территории Ирака и Сирии с двумя столицами — Мосулом и Раккой, оно поначалу небезуспешно пыталось обеспечить своё функционирование как полноценного государства, опираясь на за пределами жестокие методы обращения с теми, кто жил на этой территории, не говоря уж о зверских способах уничтожения противников — от отрезания голов и сжигания людей заживо до их утопления и сбрасывания с крыш многоэтажных зданий. На этой территории были и система сбора налогов, и система образования, и сельское хозяйство, и торговля, и нефтепереработка, и разветвлённая система контрабанды. Лидеры ИГ призывали всех мусульман либо совершать *хиджру* (эмиграцию) из своих стран в ИГ, либо публично дать клятву верности этому псевдогосударству и лично его «халифу» Абу Бакру аль-Багдади⁷.

Уродливая модель джихадистского государства, которую пытались воплотить в жизнь террористы, потерпела поражение, но остаются и их идеология, и немалое число её сторонников, и разбросанные по разным странам Ближнего Востока и за его пределами (в Юго-Восточной Азии, Африке) многочисленные убежища, в которых они скрываются и накапливают силы.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что система государств-наций на Ближнем Востоке переживает очевидный кризис. Удастся ли им выйти из него, сохраниться и остановить процесс многоуровневой фрагментации, покажет время.

⁷ Hijra from Hypocrisy to Sincerity. Dabiq 3 (August 2014), esp. 25–35.

Список литературы

- Звягельская И.Д.* Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке // Контуры глобальных трансформаций. Политика, экономика, право. 2017. Т. 10. №2. С. 97–110.
- Конфликты и войны XXI века [Ближний Восток и Северная Африка]. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 504 с.
- Кузнецов В.А.* Проблема светскости в странах "Арабского пробуждения": тунисская версия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 39–74.
- Наумкин В.В.* Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 526 с.
- Наумкин В.В.* Круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: ЯСК, 2012. С. 3–20.
- Наумкин В.В.* Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций–государств // Восток–ORIENTS. 2014. № 4. С. 15–20.
- Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Российская газета, 2006. 382 с.
- Allawi A.* The Crisis of Islamic Civilization. New Haven and London: Yale University Press, 2009. 432 p.
- Anderson B.* A History of the Modern Middle East. Rulers, Rebels, and Rogues. Stanford: Stanford University Press, 2016. 520 p.
- Chalcraft J.* Popular Politics in the Making of the Modern Middle East. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 594 p.
- Heard L.S.* Palestine was a land without people – a lie that is easily disproved // Gulf News, November 3, 2017. P. A5.
- Kilcullen D.* Countering Global Insurgency // The Journal of Strategic Studies 2005. Vol. 28. No. 4. P. 597–617.
- Kilcullen D.* The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One. Oxford: Oxford University Press, 2009. 288 p.
- Maddy–Weitzman B.* A Century of Arab Politics from the Arab Revolt to the Arab Spring. Lanham: Rowman and Littlefield, 2016. 273 p.
- Gassem N.* Hizbullah: The Story from Within. Trans. Dalia Khalil. London: Saqi, 2010. 464 p.
- Salem P.* A Century after 1914 // Al–Hayat, October 31, 2014. URL <http://www.mei.edu/content/article/century-after-1914>
- US Army and US Marine Corps. The US Army and US Marine Corps Counterinsurgency Field Manual. Chicago: Chicago University Press, 2007. 472 p.
- Zehr N.A.* The War against al–Qaeda. Religion, Policy and Counter–narratives. Washington D.C.: Georgetown University Press, 2017. 217 p.

CRISIS OF THE NATION-STATES IN THE MIDDLE EAST

VITALY NAUMKIN

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article explores the evolution process of the system of nation-states in the Middle East over a hundred-year period from the time of the collapse of the Ottoman Empire until the present day. It offers an analysis of the attempts undertaken by the Arabs to build up their own national statehood in replacement of the former vilayets, particularly in the Levant, both in the form of a Pan-Arab state and in the form of separate countries. The arbitrarily designated borderlines and the enslavement of the regional states through a system of mandates have laid the foundation for the conflict environment to prevail.

Following the origination of the “Jewish national home” in Palestine, another conflict node emerged, and the nation-building efforts by the Palestinians and the Jews have been directed along the track of exclusivism. The unresolved status of the Kurdish problem has also predetermined the formation of the breeding ground for the future inter-ethnic confrontation. The state-building process has given rise to a dilemma – the national and territorial particularization vs integrationism. Various Caliphate projects, including those implemented by the extremist, terrorist groups, are examined through the prism of the integrationist trend. The classification of Al-Qaida suggested by several Western authors and certain part of the military establishment (D. Kilcullen, D. Petreus) and categorized as a transnational or global Islamist rebel movement is challenged.

Over a protracted period, the nation-states have been subjected to numerous threats and dangers, which are grouped here into ten types. Among them, inter alia, are interstate and civil wars; riots, revolutions and military coups etc. The article provides substantiation for the assertion that one of the inalienable characteristic features of the system of institutions in the Middle Eastern countries is the duality or, more precisely, multiplicity of the defense and law enforcement agencies. Currently, due to the impact of the centrifugal forces, the Middle East region is undergoing a difficult period of multi-stage fragmentation that entails unpredictable consequences, especially with respect to the regional and global security environment.

Keywords:

nation-states; civil wars; revolutions; crisis; disintegration; dualism.

References

- (2015). *Konflikty i voyny XXI veka (Blizhnij Vostok i Afrika)* [Conflicts and Wars in the 21st century (Middle East and North Africa)]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAS. 504 p.
- Allawi A. (2009). *The Crisis of Islamic Civilization*. New Haven and London: Yale University Press. 432 p.
- Anderson B. (2016). *A History of the Modern Middle East. Rulers, Rebels, and Rogues*. Stanford: Stanford University Press. 520 p.
- Chalcraft J. (2016). *Popular Politics in the Making of the Modern Middle East*. Cambridge: Cambridge University Press. 594 p.
- Heard L.S. Palestine was a land without people – a lie that is easily disproved. *Gulf News*, November 3, 2017. P. A5.
- Kilcullen D. (2005). Countering Global Insurgency // *The Journal of Strategic Studies*. 2005. Vol. 28. No. 4. P. 597–617.
- Kilcullen D. (2009). *The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One*. Oxford: Oxford University Press. 288 p.
- Kuznetsov V. (2013). Problema svetskosti v stranakh “Arabskogo probuzhdeniya”: tunistskaya versiya [The problem of laicity in the countries of the Arab Awakening: the Tunisian version]. *Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. No. 4. P. 39–74.
- Maddy-Weitzman B. (2016) *A Century of Arab Politics from the Arab Revolt to the Arab Spring*. Lanham: Rowman and Littlefield. 273 p.
- Naumkin V. (2013). Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. *Arabskij mir, islam i Rossiya: proshloe i nastoyashee* [The Arab World, Islam and Russia. Past and present]. Moscow: Insitut vostokovedeniya RAN. 526 p.
- Naumkin V. (2012). Krugovorot Arabskogo probuzhdeniya [The Cycle of the Arab Awakening]. In: *Blizhnij Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she?* Moscow: YaSK. P. 3–20.
- Naumkin V. (2014). Problema tsivilizatsionnoj identifikatsii i krizis natsij-gosudarstv [The Problem of National Identification and the Crisis of Nation-states]. *Vostok–ORIENS*. No. 4. P. 15–20.
- Primakov E. (2006). *Konfidentsial'no: Blizhnij Vostok na stsene i za kulisami* [Confidential: The Middle East on the Scene and behind the Curtain]. Moscow: Rossiyskaya Gazeta. 382 p.
- Gassem N. (2010). *Hizbullah: The Story from Within*. Trans. Dalia Khalil. London: Saqi. 464 p.
- Salem P. (2014). A Century after 1914. *Al-Hayat*. October 31. URL: <http://www.mei.edu/content/article/century-after-1914>
- US Army and US Marine Corps. (2007). *The US Army and US Marine Corps Counterinsurgency Field Manual*. Chicago: Chicago University Press. 472 p.
- Zehr N.A. (2017). *The War against al-Qaeda. Religion, Policy and Counter-narratives*. Washington D.C.: Georgetown University Press. 217 p.
- Zvyagelskaya I. (2017). Suverenitet i gosudarstvennost' na Blizhnem Vostoke [Sovereignty and Statehood in the Middle East]. *Kontury global'noj transformatsii. Politika, ekonomika, pravo*. Vol. 2. No. 2. P. 97–110.